

Омар Хайям

РУБАЙДАТ

УДК 821.21/22-1
ББК 84 (0) 9-5
О 57

Под редакцией Волковского Н. А.

Омар Хайям

О57 Рубайат / Омар Хайям; пер. с фарси Ирины Евсы — Москва: ООО Издательство АСТ, 2016. — 208 с.: ил. — (Большая книга мудрости).

ISBN 978-5-17-095865-8

Рубаи Омара Хайяма, не зная ни временных, ни национальных границ, пережили века и династии, дойдя до наших дней. Вся поэзия Хайяма — это прославление величия духа человеческого, она проникнута верой в бессмертный творческий разум. Этим она близка людям. В этом — залог ее бессмертия.

В предлагаемой читателям книге сделана попытка представить всемирно известные четверостишия Омара Хайяма, о которых литературоведы в целом не высказывались против их принадлежности его перу. Поэзию органично дополняет творчество мастеров миниатюрной живописи, которое помогает воспринимать читателю дух национальной культуры автора знаменитых рубаи.

УДК 821.21/22-1
ББК 84 (0) 9-5

ISBN 978-5-17-095865-8

© ООО «Издательство АСТ», 2016
© Перевод Евса И.А., 2010

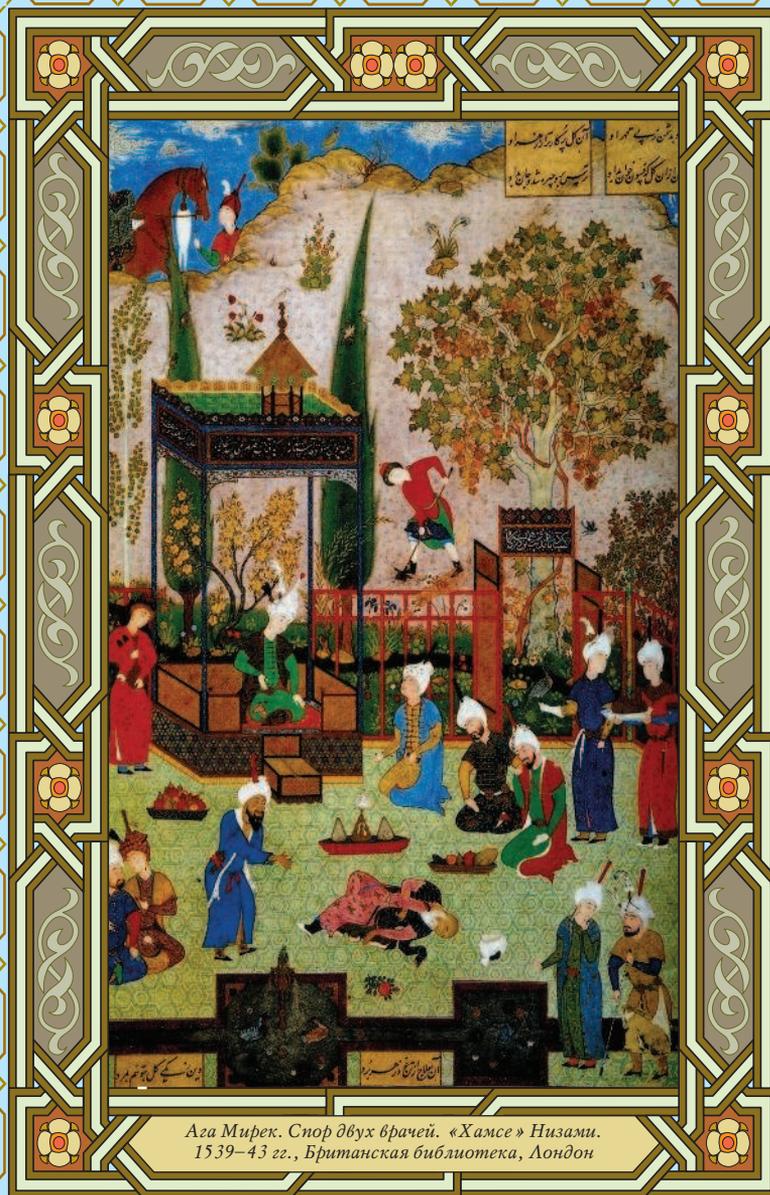
ЖИЗНЬ
И
ТВОРЧЕСТВО
Омара
Хайяма

Кто он, Омар Хайям? Долгое время всему миру под этим именем был известен гениальный ученый Омар Хайям. Как математик он внес вклад в алгебру построением классификации кубических уравнений и их решением с помощью конических сечений. Как астроном Омар Хайям прославился созданием солнечного календаря, более точного, чем григорианский. Еще больше людей знает его как выдающегося философа. А вот слава поэта к нему пришла значительно позднее...

В России Хайям-ученый и Хайям-поэт долгое время считались двумя разными людьми. Путаница объясняется тем, что во времена Хайяма свои труды ученые писали на арабском языке. Не было исключением в этом отношении и Хайям, который как ученый все свои работы написал именно на этом языке. Стихи же не предназначались для широкой публики, они часто сочинялись для себя, и, конечно, писались на родном персидском языке. Вот так и случилось, что в книгах, написанных на арабском языке (языке ученых), о нем говорят исключительно как о математике и астрономе. Персидские же источники упоминают о нем и как о поэте.

Омар Хайям родился в семье небогатого торговца в городе Нишапур персидской провинции Хорасан. Его полное имя — Гияс ад-Дин Абуль Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нишапури. Предполагается, что прозвище Хайям (Палаточник) связано с профессией его отца или кого-то еще из предков. Детство Хайяма пришлось на жестокий период сельджукского завоевания Центральной Азии. Провинция Хорасан, где проходило детство Омара Хайяма, стала местом жестоких столкновений. Погибло множество людей, в том числе значительная часть ученых.

В восемь лет Омар Хайям начал заниматься математикой, астрономией, философией в нишапурском медресе, которое славилось своими культурными и просветительскими традициями. С двенадцати лет Омар стал учащимся медресе Самарканда. Там он получил квалификацию врача. Но медицинская практика его мало интересовала. Он продолжал изучать сочинения известного математика и астронома Сабита ибн Курры, труды греческих математиков. В самаркандском медресе Омар Хайям так поразил всех своими знаниями, что по окончании учебы его сделали наставником. Однако проработав в мусульманском заведении всего четыре года, он переехал в Бухару, где начал трудиться в хранилищах книг.

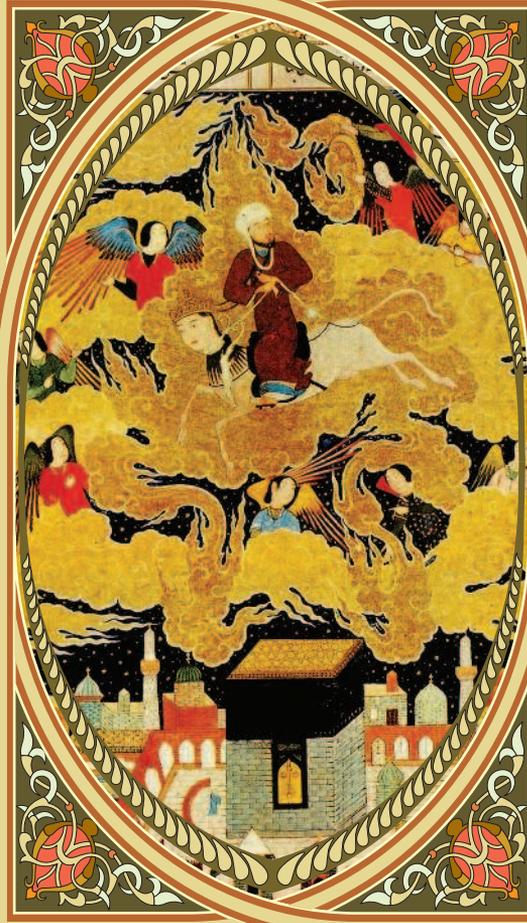

Ага Мирек. Спор двух врачей. «Хамсе» Низами.
1539–43 гг., Британская библиотека, Лондон

За десять лет, что ученый прожил в Бухаре, он написал четыре фундаментальных трактата по математике.

В 1074 году молодого ученого пригласили в Исфахан ко двору сельджукского султана Мелик-шаха, где Омар становится его духовным наставником. Через два года его назначили руководителем дворцовой обсерватории, одной из крупнейших в мире. Работая на этой должности, Омар Хайям не только продолжал занятия математикой, но и стал известным астрономом. В обсерватории Хайям и его сподвижники собрали наиболее точные в то время инструменты — астролябии, квадранты. Биографы отмечают, что точность расчетов Омара Хайяма стала легендарной. По их данным, она достигалась ценой многократных — тысячи раз — наблюдений и сравнений, что уменьшало возможность ошибки в счислениях в тысячу раз соответственно. Результат — создание более точного солнечного календаря. Но в 1092 году умирает его покровитель султан Мелик-шах и исфаханский период жизни ученого заканчивается. Обвиненный в безбожном вольнодумстве Омар Хайям вынужден покинуть сельджукскую столицу. Он возвращается в родной Нишапур, где проводит последние годы своей жизни в чтении и размышлении над бытием. Хайям жил на те деньги, которые зарабатывал преподавательской деятельностью в медресе. Он регулярно встречался с различными философами и учеными. У Хайяма было несколько учеников. Что же касается семейной жизни, то он ни разу не женился и не имел детей. Умер Омар Хайям в 1131 году. Полной и точной биографии ученого не существует. Даже годы его рождения и смерти определены с большой степенью вероятности. Только три человека из числа лично его знавших оставили о нем краткие сообщения. Другие же сведения о Хайяме, встречающиеся у более поздних средневековых историков и писателей, основаны на устных преданиях и нередко находятся в противоречии друг с другом и с хронологией реальных исторических событий. В 1934 году поклонники творчества выдающегося ученого и поэта создали ему обелиск. Поставили его в Нишапуре возле мечети памяти почтенного имама Махрука.

В одном из документальных источников под названием «Рай жизни», датированном 1405 годом, говорится: «Омар Ибрахим Хайям в большей части наук, и особенно в астрономии, был в свое время выдающимся. Ему принадлежат всему свету известные трактаты и несравненные стихи».

Абд аль-Раззак. Мирадж пророка Мухаммеда. «Хамсе»
Низами. 1495–1496 гг. Лондон, Британская библиотека

При жизни Омар Хайям был известен исключительно как выдающийся ученый. Ряд исследователей считает, что стихи он писал «для души». Его поэзия представляла собой стихотворные афоризмы — рубаи, в которых Хайям высказывал свои сокровенные мысли о жизни, о человеке, о бытии. Рубай — четверостишие; форма лирической поэзии, широко распространенная на Ближнем и Среднем Востоке. Прародителем рубаи служило устное народное творчество иранцев. В письменном виде существует с IX–X вв. По содержанию — лирика с философскими размышлениями. Стихотворения состоят из четырех строк, чаще рифмующихся как *ааба*, реже — *аааа*, то есть рифмуются первая, вторая и четвертая (или все четыре) строчки. Рубаи строятся в метре аруза. Метр — это стихотворный размер. Построение рубаи следующее: первые две строки являются экспозицией, предпосылкой, в которой или изображается определенный момент жизни героя, или описываются какие-либо обычаи и порядки. В третьей строке подводится философский итог из предыдущих строк, а четвертая строка является объяснением третьей. Востоковеды отмечают, что в форме рубаи писались преимущественно лирические или философские стихи, хотя, впрочем, изредка встречаются рубаи даже панегирического характера. Однако среди исследователей феномена рубаи есть мнения, что все же эта жанровая форма больше тяготеет к стихам философского плана, потому что даже интимно-лирические рубаи проникнуты у поэтов определенным философским настроением. Отсюда вывод: жесткие рамки рубаи требуют от поэта более высокого мастерства и таланта. Поэтому считается, что избрав этот жанр, Хайям остался в нем непревзойденным.

Долгое время как поэт Омар Хайям был забыт. По счастливой случайности в марте 1857 года английский востоковед профессор Эдуард Байлс Кауэлл обнаружил серию персидских четверостиший Омара Хайяма в библиотеке Азиатского общества в Калькутте и выслал их поэту Эдварду Фицджеральду, изучавшему персидскую литературу в Оксфордском университете. Фицджеральд замечательно перевел многие рубаи Омара Хайяма на английский и в 1859 году они были изданы в сборнике под названием «Рубайят Омара Хаяма».

Книга выдержала до конца XIX века двадцать пять изданий. Поэт Фицджеральд стал известен, прежде всего, как переводчик

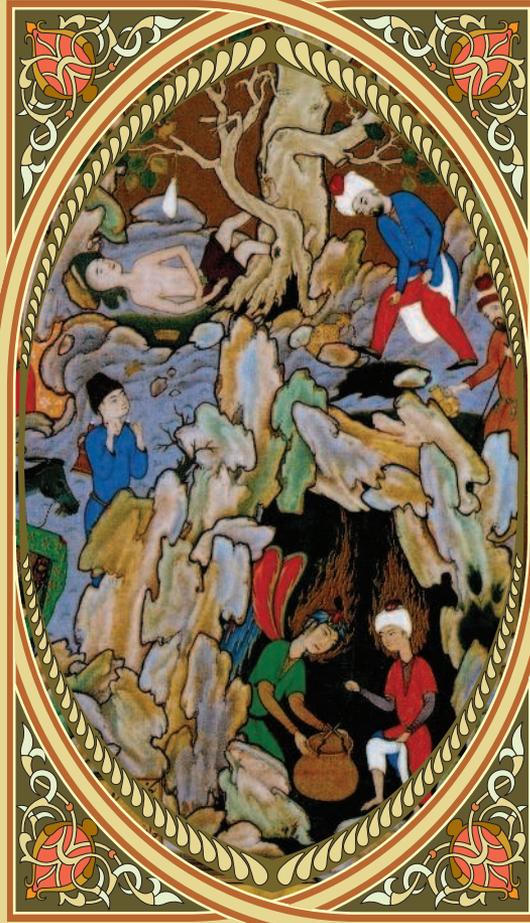

Мир Сеид Али. Вечерняя жизнь дворца.
Фронтиспис к «Хамсе» Низами. Фрагмент. Ок. 1540 г.
Гарвардские музеи искусства, Кембридж

четверостиший Омара Хайяма, а не своими стихами. Перевод пришелся по вкусу читающей публике. По воспоминаниям современников в своих страстных письмах к возлюбленным молодые люди приводили рубаи Омара Хайяма. Стало модно говорить о жизненных разочарованиях хайямовскими четверостишиями. Устраивались публичные чтения его стихов. Исследователи истории проникновения хайямовского творчества в Европу отмечают, что такое его влияние было неожиданным для чопорного и важного в своем многословии викторианского времени. Многие меткие высказывания Омара Хайяма становились афоризмами: «Ты лучше голодай, чем что попало есть. И лучше будь один, чем вместе с кем попало», «Лучше друга к себе привязать добротой, чем от пут человечество освободить!», «Если подлый лекарь налет тебе — вылей! Если мудрый подаст тебе яду — прими!», «Наслаждение — все, остальное — ничто!», «Я знаю только то, что ничего не знаю». Через двадцать шесть лет английский поэт А. Теннисон назовет перевод Фицджеральда «планетой, равной Солнцу, бросившему ее в пространство».

Описывая влияние на европейцев хайямовской поэзии, многие исследователи отдают дань мастерству Эдварда Фицджеральда не только как поэту и переводчику, но и тому как он расположил стихи в сборнике. Здесь выразилось его собственное вольное представление о личности Хайяма и его жизненном пути. Видимо Фицджеральд предполагал, что в юности Хайям — гуляка, поклонник женщин, воспевающий наслаждения, вино и радость бытия; в более поздний период — мудрец, разочарованный в жизни; в преклонном возрасте — проповедник любви к богу. Исследователи успеха «Рубайята Омара Хайяма» в Европе считают, что эта логика составителя оказалась подходящей для господствующих настроений поклонников четверостиший поэта.

В то же время поэтическое творчество Омара Хайяма с самого начала знакомства с его рубаи вызвало больше споров, чем творчество любого другого персидского стихотворца. В 1897 году известный русский востоковед-иранист профессор Санкт-Петербургского университета В. А. Жуковский в своей знаменитой работе «Омар Хайям и странствующие четверостишия», суммируя существующие характеристики поэта и его творчества, писал: «Он вольнодумец, разрушитель веры; он безбожник и материалист; он насмешник над мистицизмом и пантеист; он правоверующий мусульманин,

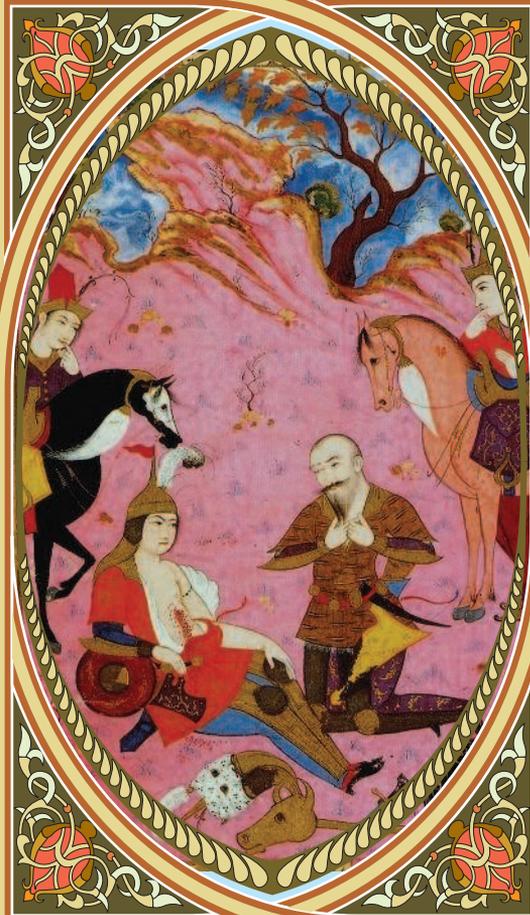
Музаффар Али. Юсуф выбирается из колодца.
«Семь престолов» Джамхи. Фрагмент. 1539–43 гг.,
Галерея Фрир, Вашингтон

точный философ, острый наблюдатель, ученый; он — гуляка, развратник, ханжа и лицемер. Он не просто богохульник, а воплощенное отрицание положительной религии и всякой нравственной веры; он мягкая натура, преданная более созерцанию божественных вещей, чем жизненным наслаждениям; он скептик-эпикурец, он персидский Абу-л-Ала, Вольтер, Гейне...

Можно ли, в самом деле, представить человека, если только он не нравственный урод, в котором могли бы совмещаться и уживаться такая смесь и пестрота убеждений, противоположных склонностей и направлений, высоких доблестей и низменных страстей, мучительных сомнений и колебаний».

Иногда читателями ставился вопрос: почему он так много писал о вине? Может быть, он много пил? Еще в XIX веке ответ на этот вопрос дал французский востоковед и филолог Джеймс Дермстер: «Человек непосвященный сначала будет удивлен и немного скандализован местом, какое занимает вино в персидской поэзии. Вспомним, что Коран запрещал вино (Мухаммед запретил пить вино, ибо не мог смириться с тем, что его дядя Хамза, напившись, срезал саблей горбы верблюдам). Застольные песни Европы — песни пьяниц, здесь же это бунт против Корана, против святош, против подавления природы и разума религиозным законом. Пьющий для поэта — символ освободившегося человека, попирающего каноны религии». Это целиком относится и к поэзии Омара Хайяма.

Первый перевод на русский язык небольшой подборки стихотворений Омара Хайяма сделал поэт Василий Величко. Они были опубликованы в 1891 году в журнале «Вестник Европы». Корней Чуковский негативно отозвался о Величко, как о переводчике, отметив, что ему не удалось отразить дух национальной культуры, к которой принадлежал автор. После Величко к переводу поэзии Омара Хайяма обращались многие другие отечественные поэты и мэтры перевода. В списке тех, кто приближал слово и мысль Хайяма к русскому читателю, более сорока человек. Критика одних превозносила, о других негодовала, о третьих молчала. Но исследователи отмечают, что у каждого переводчика хайямовских четверостиший в зеркале переведенных им текстов обязательно отражается одной из своих граней душа Хайяма и его личность, и совокупность таких отражений приближает нас к постижению тайны этого загадочного гения. Многие переводчики писали

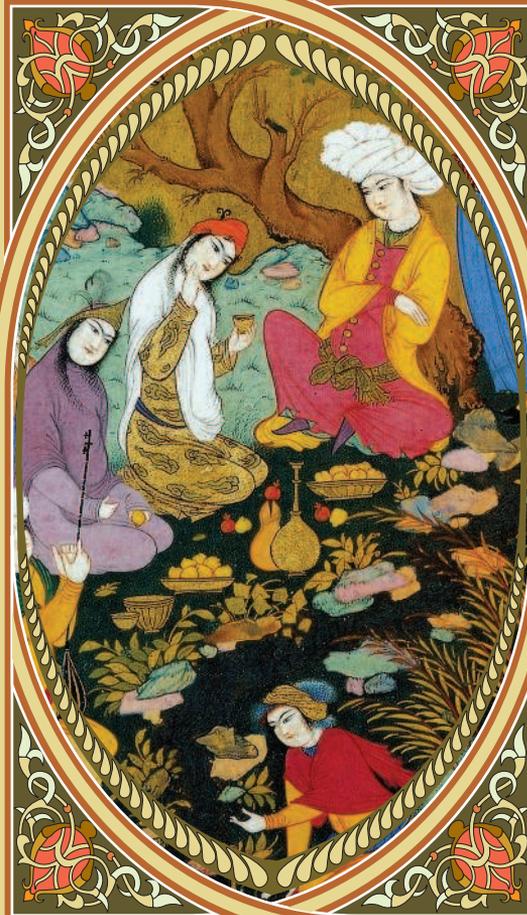

Муин Мусаввир. Смерть Сурхаба.
«Шахнаме» Фирдоуси. 1649 г. Британский музей, Лондон.

о своих впечатлениях о стихах великого персидского поэта. Так, один из известных переводчиков Хайяма — Владимир Державин сказал такие слова: «Хайям прославляет пир, но это пир высоких мыслей и благородных чувств — пир Платона. Чаша вина — это волшебная чаша Джамшида, чаша человеческого разума, объемлющего весь мир. Сборище пьяных гуляк оказывается кругом избранных мудрецов. Хайям, так много сказавший о кувшине, чаше и вине, не был ни пьяницей, ни гулякой. Великому мудрецу, ученому, трудившемуся весь свой долгий век до последнего часа, едва ли могло прийти в голову предаваться разгулу».

Другой известный переводчик Хайяма — Герман Плисецкий пишет: «Мне хочется рассказать о том, как постепенно менялось мое собственное представление о переводимом поэте. Сложный поэт нередко упрощен. У многих, и у меня в том числе, сложился образ этакого веселого старца, между делом изрекающего истины. Несоответствие этого шаблона истинной поэзии Хайяма я почувствовал уже при работе над первыми четверостишиями. И постепенно сквозь стихотворные строки стал проступать облик совсем другого человека. Спорщик с Богом, бесстрашный ум, чуждый иллюзий, ученый, и в стихе стремящийся к точной формуле, к афоризму. Каждое четверостишие — уравнение. Одна и та же мысль варьируется многократно, рассматривается с разных сторон. Посылки все те же, а выводы порой прямо противоположны. Есть в этих крайностях высшее единство — живая личность поэта, примиряющая любые противоречия... Хайям на протяжении своей долгой жизни постоянно возвращался к важным для него мыслям, пересматривая их снова и снова, так и мы будем еще не раз возвращаться к его творчеству, казалось бы, столь ясному и понятному, но каждый раз открывающему новые возможности, новую точку зрения...»

Омару Хайяму приписывается авторство около 5000 рубаи, хотя ни одна из древних рукописей не содержала более 300–400 четверостиший. Причем отмечается, что значительное количество рубаи изобилует повторами. В этой связи известный советский востоковед Е. Э. Бертельс высказал суждение: «Внимательный читатель не может не заметить, что среди рубаи значительное число трактует одну и ту же тему. Мы находим как бы „пучки“ четверостиший, очень близких по содержанию и различающихся лишь мелкими деталями. Нам кажется, что одна гипотеза могла бы

Риза-йи-Аббаси. Пиршество на лоне природы.
Фрагмент. 1612 г. Эрмитаж, Санкт-Петербург